

ИСПОВЕДАЛЬНЯ
Пьеса в двух действиях.

Перевод с английского Романа Мархолиа.

Действующие лица:

Леона
Доктор
Монк
Билл
Виолетта
Стив
Молодой человек
Мальчик из Йовы
Полицейский

Действие первое.

Место действия - несколько странный бар, один из тех, что находятся на побережье, где-то между Лос-Анжелесом и Сан-Диего. Его посетители настолько хорошо знакомы, что это больше походит на клуб, где многие проводят весь вечер. Стены бара хранят дыхание океана. На голубой неоновой вывеске над дверьми написано "У Менка". Бар располагается по диагонали сцены. Над ним подвешено чучело большой рыбы, которая из-за своей открытой пасти и вытаращенных глаз будто застыла в бесконечном удивлении. Над тремя столиками, которые здесь находятся, лампы под плафонами, каждая из которых зажигается лишь тогда, когда именно за этим столиком идет действие. Около входа в бар стоит музыкальный автомат, а в стене слева двери в мужскую и женскую уборную. Лестничный пролет за последним столом ведет в хозяйские апартаменты. Спустя несколько первых ступенек он должен перекрываться шторой.

Хорошо, если бы было возвышение в нескольких шагах от авансцены, если же это не возможно, то тогда должно быть место по центру сцены, которое могло бы высвечиваться в тех местах пьесы, когда кто либо из действующих лиц отделяется от других персонажей, как будто для разговора с самим собой. Это место "исповедальни", и оно

используется всеми персонажами в соответствии с происходящим в пьесе.

Первые несколько минут действия отданы монологу пьяной особы, по имени Леона, крупной, нескладной женщине, со злодейским видом вышагивающей по сцене. Она одета в белые слаксы и шерстяной свитер. На ее взъерошенной голове матросская шапочка, которую она периодически стаскивает, чтобы шлепнуть по чему-нибудь - стойке бара, поверхности стола, чьей-нибудь спине, подчеркивая сказанное. За несколько минут до поднятия занавеса она явно обменялась тумаками или, во всяком случае, напощадала другой посетительнице бара, по имени Виолетта, которая укрылась в запирающейся женской туалетной комнате, из которой она продолжает кричать Монку, хозяину бара, что бы то вызвал полицию. Ее всхлипы должны периодически прорываться сквозь монолог Леоны. Завсегдатаи бара достаточно живописная компания. Леоне и Виолетте уже под сорок. Стив, Монк, хозяин бара, и Док, который потерял свою лицензию из-за беспробудного пьянства, но все еще практикует более ли менее легально - все они люди среднего возраста. Билу пока еще двадцать с чем-то и он ужасно привлекательный. При поднятии занавеса Леона в середине своей речи против Виолетты.

Леона. ...просто не уважает себя, и я не виню ее за это. За что ей уважать себя? Она живет, как животное в комнате без душа прямо над павильоном для игр у пристани, да прямо над бильярдом, пин-болом, боулингом, и все эти бенг-бенг-трах-трах, громкие, как телевизионные шоу, весь день и всю ночь, это могло бы свести с ума любого, но ей хоть бы что. Я знаю, я была там, я видела это и слышала, трах-бах и так до двух или трех утра, а потом опять трах-бах с восьми вечера, когда они открываются на другой день. У нее нет туалета, у нее нет шкафа, поэтому она развешивает свои платья на веревке, растянутой меж двух гвоздей, а другое свое имущество она хранит на полу в коробках.

Виолетта. Какое тебе дело?

Леона. Никакого, клянусь тебе! А когда она болела? Я принесла ей цыпленка. Я спросила, где ее столовое серебро? Поднимись, сядь за стол, где твое серебро? У нее не было ни то что серебра, у нее не было ни вилки, ни ложки, ни ножа, черт, не было даже тарелки, но она съела этого цыпленка, да, она его съела, как съел бы его голодный пес, она схватила его в свои лапы и грызла совсем, как собака. Кто поинтересовался жива она или нет? Я! Только! Я притащила ей шкаф, я

дала ей нож, вилку и ложку, я дала ей немного посуды, я дала ей смену постельного белья для ее продавленной раскладушки, и однажды после работы я пришла в эту крысиную дыру узнать нужно ли ей чего-нибудь и принести ей это. Но этой суки там не было. Я подумала, что она умерла или ее вышвырнули вон. Я сбежала вниз по лестнице и услышала ее похотливые стоны в игровом павильоне. Она трахалась там с пьяным матросом с грузового судна; у нее едва нашлось время объясниться со мной.

Билл. Может быть, она из-за тебя и заболела, это вполне возможно.

Леона. Вполне возможно, что я сама могла заболеть из-за нее, но я-то считала, что эта сука умирает с голоду, поэтому приходила к ней каждый день с банкой говяжьего бульона или курицей или куском мяса, потому что я думала, что она человек, а человеческая жизнь стоит спасения больше, чем всякое другое дерьмо. Но разве она человек? Она просто паразит, состоит даже не из плоти, просто из сырого теста, она всегда выглядела так, будто ее кости уже рассыпались, поэтому она и ...

Билл. (*грохнув своей бутылкой из-под пива по столу*) ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО Я ПРИНАДЛЕЖУ ТЕБЕ? Я ПРИНАДЛЕЖУ СЕБЕ, Я ПРИНАДЛЕЖУ ТОЛЬКО СЕБЕ.

Леона. О, ты, жалкий кусок - мразь-самоуверенности! (*Она указывает на бар*) Ни разу не работавший. О, он знает, что это такое. Он называет это Прекрасной Юностью. Он говорит, что заботиться о своей Юности и Юность заботиться о нем. Как долго это будет продолжаться? Как долго, он думает, Юность будет содержать его, а? А?! - Вечность или, все-таки, поменьше? Думает, что солнце всходит и заходит у него между ног и это именно поэтому я взяла его в свой трейлер, даю ему деньги на пиво, притворяюсь, что не замечаю пропажи пяти или десяти баксов в моем кошельке утром, притом, что сама положила их туда прошлым вечером.

Билл. Иди на пляж и расскажи это чайкам, им это будет поинтереснее.

Виолетта. (*пронзительно, из женской уборной*) Помогите, помогите мне, кто-нибудь, кто-нибудь вызовите полицию!

Леона. Она орет там в окно в туалете?

Виолетта. Ну сколько мне еще сидеть здесь, пока кто-нибудь вызовет полицию?

Леона. Если эта сука будет орать в окно в туалете - я проломлю ей голову.

Монк. Леона, успокойся, Леона.

Леона. Я возмещу убытки, я заплачу за лечение.

Монк. Леона, почему бы тебе не поставить твою скрипичную мелодию на музыкальном автомате и не присесть за столик и...

Леона. Когда меня оскорбляют, то я не сажусь за столик или где бы то ни было еще, никуда не сажусь!

(Виолетта всхлипывает и рыдает в то время, как Стив входит в бар.)

Стив. Это Виолетта там?

Леона. Как ты думаешь, кто еще может вопить в окно в туалетной комнате, кроме нее, и тебе бы лучше держаться от этого подальше, так как это касается только ее и меня.

Стив. Что случилось? Ты ударила Виолетту?

Леона. Ты абсолютно прав, я врезала этой грязной суке по губам, и когда она выйдет из туалета, если она когда-нибудь выйдет, я врежу ей по губам еще, и поцелуй мою задницу- я та, которая может это сделать. **МОНК! ВЫПИВКУ! СЛАДКИЙ БУРБОН!**

Монк. Леона, ты уже довольно пьяна, а я не обслуживаю тех, кто пьян.

Леона. Хорошо, можешь поцеловать это и ты, мать твою.

(Она ударяет шапочкой по стойке бара)

Стив. Эй, ты ударила Виолетту?

(Бил смеется над этим нелепым вопросом)

Леона. Ты что оглох, или у тебя вата в ушах, ты что не слышишь, как она орет там? Ударила ли я ее? Ответ- да, и я не разобралась еще с ней, не разобралась.

(Леона обращается к в сторону двери в туалетную комнату.)

ВЫХОДИ ОТТУДА ВИОЛЕТТЕТТА, ИЛИ Я СЛОМАЮ ЭТУ ДВЕРЬ!

(Она стучит кулаком в дверь, потом с презрением вытирает ее своей шапочкой и продолжает расхаживать по комнате. Билл посмеивается и пьет.)

Стив. Почему она ударила Виолетту?

Леона. Почему ты меня не спросишь?

Стив. Почему ты ударила Виолетту?

Леона. Я ударила Виолетту потому, что она вела себя непристойно с этим сукиным сыном, которого я содержала шесть месяцев в своем трейлере, вот причина, по которой я врезала ей и врежу еще раз, когда она выйдет оттуда, даже если мне придется прождать всю ночь.

Стив. Что ты имеешь в виду под "непристойностью"?

Леона. Господи, ты не знаешь ее привычек? Ты что не бываешь каждый день в этом баре и в ее крысиной норе над игровым павильоном? Я имею в виду, что она пакостила своими грязными руками под столом, когда я купила ей выпивки и пригласила присесть к нам. Она села. Я видела ее руки на столе. Красный лак на ногтях облез, и пальцы все черные, такие черные, как будто она не мыла руки ни одного дня, после

месяца игры в куличики с грязными оборванцами, и я подумала, что это ужасно, просто деградация женщины, которая не уважает себя, поэтому я взяла ее руку и поднесла ее под лампу над столом и сказала - не взглянешь ли на свою руку, не взглянешь ли на свои пальцы, Виолетта?

Стив. Из-за этого ты ее ударила?

Леона. Дьявол, не заткнешься ли ты, пока я не расскажу, почему я ее ударила? Я бы не ударила ее из-за того, что она не чистоплотная, что она грязная, я бы не ударила ее ни из-за чего, что касалось бы только ее. И вот, если ты будешь внимателен, я скажу сейчас конкретно, почему я ее ударила. Я поднялась из-за стола, чтобы поставить "Сувенир".

Стив. О чем она говорит? О чем ты говоришь?

Леона. Та мелодия со скрипкой, которую я люблю слушать на музыкальном автомате. И когда я вернулась к столу, ее руки исчезли с него. Я подумала про себя, что зря я пристыдила ее - она вынуждена была их спрятать.

Стив. И поэтому ты ее ударила?

Леона. Зачем ты приходишь в бар, если уже пьян? Слушай! Это было не смущение, что заставило ее спрятать свои руки под крышку стола, это все ее старые привычки, такие же грязные, как и ее ногти, и ты должен понимать о чем я, если ты вообще способен что-либо понимать.

Молодой человек. Бармен? - Бармен? - Мне интересно, что нужно сделать, чтобы бармен заметил тебя здесь?

Монк. Я слышу. Вы не туда пришли. Вам, верно, нужен бар *Джунгли*, в пол мили отсюда, навверх по пляжу.

Молодой человек. Это значит, что Вы нас не обслужите?

Монк. Я не уверен, что вы совершеннолетние.

Мальчик. Я хочу просто Кока-колы.

Молодой человек. Он хочет Кока-колы, а мне водки с тоником.

(Билл покидает свой столик и лениво идет на просцениум, освещенную "исповедальню". Когда он начинает говорить, "исповедальня" освещается и остальная часть бара затемняется.)

Билл. Я ничего против них не имею, просто нет иного способа остановить их, как врезать и обокрасть. Я заметил, как он остановился у двери бара до того, как войти. Он готов уже был повернуться и уйти, как вдруг увидел меня. Тут он решил остаться. Пидор, который так одет, просто сам напрашивается на это. Затем, скажем минут так через пятнадцать, я пойду в мужской туалет и он пойдет следом в поисках Прекрасной Юности. Я дам ему знак. Он попросит подождать снаружи у его машины или у Белой Крепости. Мне не придется ждать долго и я

лишь слегка припугну его. Я не люблю их бить. Им неоткуда ждать помощи. А у кого есть откуда? У меня тоже нет. Ушел из дому в пятнадцать и, как говорит Леона, даже не пытался найти работу, да я и не думаю ее искать, пока еще Юность держит меня в своей команде, но мое время с Леоной вышло. Она надумала смыться отсюда, а я намерен остаться.

(Когда он вновь опускается за свой стол, просцениум вновь гаснет, а остальная часть сцены освещается. Леона все еще у музыкального автомата, она включает его, опускает монету и выбирает скрипичную мелодию "Сувенир". След невыразимой нежности появляется на ее лице при первых же звуках музыки.)

Монк. *(стучится в женскую уборную)* Виолетта, ты можешь уже выйти, она поставила свою скрипичную мелодию.

(Билл и Стив смеются. Смеясь Стив покидает барную стойку и направляется к месту "исповедальни", где он освещается в то время, как остальной бар погружается в темноту.)

Стив. Я понимаю, Виолетта- свинья, конечно, и мне должно быть стыдно появляться с ней. Но холостой мужчина, сорока семи лет, повар в забегаловке с жалованьем, которого едва хватает на одного, у него нет выбора. Нет, он должен быть доволен всем дерьмом в этом мире, и Виолеттой, которая тоже дерьмо. Она жалкое дерьмо, но - *(Он грустно пожимает плечами и подносит бутылку с пивом ко рту.)* - это несколько лучше, чем ничего ,а у меня ничего и не было до того, как я связался с ней. Она наградила меня триппером однажды и попыталась внушить мне, что я подхватил с сиденья в туалете. Я спросил доктора мог ли я подхватить триппер с сиденья в публичном туалете и он сказал, что да, это, в принципе, возможно, но , что я подхватил его ИНАЧЕ! *(он грустно смеется и пьет опять, слегка раскачиваясь)* - О. моя жизнь, моя жалкая, бедная жизнь! Как кость, брошенная собаке! Я собака, а она кость. Черт, я знаю ее привычки. Она всегда здесь, в этом зале для игр, когда я прихожу снять ее, она всегда здесь, жметесь как можно ближе к этим морячкам, играющим в бильярд на самом деле классно. Проститутка? Да, я так считаю. Конечно, я не плачу ей, а просто покупаю немного пива и хот-догов по пути домой. Но Билл, почему он позволил ей путаться с ним? Однажды он хвастался размерами своего аппарата и сказал, что все, что ему надо, чтобы заработать на жизнь- это пройтись в облегающих штанах по улице. Жизнь! - Брось ее собаке. Я не собака. Мне она не нужна. Я думаю, что буду просто сидеть в баре и не замечу, как она испарится...

(Он спускается с просцениума и занимает место в баре. Во время его монолога на исповедальном месте скрипичная мелодия звучала еле слышно. Сейчас интенсивность света в баре и громкость звука мелодии вернулись к обычному уровню. Через мгновение из туалетной комнаты с жалким видом появляется Виолетта. Она вытирает свой нос куском туалетной бумаги. У нее большие, заплаканные глаза, ее губы искривились в печали и сама она напоминает трагистку, играющую святую в страданиях. Ничто, из того что было о ней сказано не соответствует действительности. Она обладает странной привлекательностью, несмотря на то, что ее вельветовый костюм много уже перетерпел- с тех пор, как был куплен в дешевом магазине. Она вздыхает и обходит Леону стороной, потом слегка всхлипывает и пробирается к бару, где ей наливают пива. Стив пристально смотрит на нее. Она избегает его взгляда. Билл ухмыляется и фыркает у себя за своим столом. Леона игнорирует факт появления Виолетты из ее убежища. Она двигается по бару в такт музыки.)

Леона. О, господи, какой инструмент, он как будто звучит прямо из сердца, это очень печально, но гораздо лучше, чем быть просто веселым, напившись до беспомысленности...

Виолетта. *(жалобно)* Я не знаю, смогу ли я пить, у меня болит живот.

Леона. О, черт, Виолетта. Кому ты это говоришь? Ты высосешь все, до чего дотянуться твои лапы. *(Она хлопает себя по бедру шапочкой и смеется)*

Виолетта. У меня болит желудок.

Леона. Тебе повезло, что у тебя болит желудок, потому что тебя может вырвать, но когда у тебя болит сердце, вот это по настоящему ужасно, потому что из сердца не вырвать воспоминаний твоей жизни. Как бы я бы хотела вырвать из своего сердца все мои печали, мои дни, проведенные в косметическом салоне, и мои ночи в трейлере. Меня не удивит это вовсе, если я отправлюсь в Саусалито в одиночестве этой ночью. Совсем одна...

(Она смотрит на Билла, который ухмыляется и ржет. Виолетта опять жалобно хнычет. Леона дает своей шапочкой по плечу Виолетте довольно сильного тумака. Виолетта вскрикивает от страха.)

Заткнись, я не собираюсь бить тебя. Стив, заведи ее от стойки и посади на стул. Она напивается, я не могу это видеть.

Стив. *(Виолетте).* Сойди оттуда, Виолетта. Сядь сюда, пока ты не упала с этого стула.

Леона. Я и пальцем ее не тронула, даже не прикоснулась, а она ведет себя так, как будто я чуть не убила ее, просто какая-то плакучая ива. А

что касается этого скота, которого я пустила в свой трейлер, то я смогу вытряхнуть его и из своего трейлера и из своей жизни и из своей памяти. Я подобрала его, потому что жизнь в трейлере, передвигающемся с места на место, куда ветер подует, делает одиноким, подчас, и ты совершаешь ошибку, впуская кого-то, кто уважает тебя только за то, что ты хозяйка трейлера...

Стив. Виолетта, я прошу тебя присесть сюда к столу.

Леона. Да забери ты ее, пока она не свалилась оттуда.

(Стив помогает ослабевшей и раскисшей Виолетте присесть к столу.

Монк отвечает на телефонный звонок.)

Монк. Док, это тебя.

Доктор. *(идет в конец бара)* Спасибо, Монк.

Монк. Старина Док имеет довольно приличную практику для человека на пенсии.

Леона. Поцелуй себя в задницу, на пенсии, его вышвырнули из медицины за то, что он оперировал так нагрузившись, что не смог отличить аппендикс от желудка.

Монк. Леона, сядь за свой столик.

Леона. Ты станешь отвечать за человеческую жизнь, станешь?

Монк. Билл, я думаю она уже готова идти домой.

Леона. Я пойду домой, когда я захочу и сделаю это сама.

Билл. Я видел белого медведя в цирке на трехколесном велосипеде. Вот, кого ты мне напомнила сегодня вечером.

Леона. Хочешь кое-что узнать, мистер Мак Коркл? Я выбью из тебя все это дерьмо.

Билл. Сядь где-нибудь и заткнись.

Леона. У меня есть к тебе предложение. Возьми вот это на такси. *(Она высыпает горсть монет на стол.)* И забери все свое барахло из моего трейлера. Все подчистую, потому что если я вернусь сегодня ночью и найду там хоть одну твою вещь, то я выброшу ее из трейлера, а тебя вышвырну за дверь. У меня как раз подходящее настроение, чтобы сделать это.

Билл. Не разбивай мне сердце.

Леона. Какое сердце? Мы были вместе в моем трейлере шесть месяцев, и ты ни разу не принес ничего.

Билл. Дерьмо. Я удовлетворял тебя шесть месяцев в твоем трейлере!

Леона. Ты ни разу не удовлетворил ничего, кроме моего материнского комплекса. Не важно, забудем об этом, все кончено. Вот что. Возьми эту монету и поставь шестой номер в музыкальном автомате.

Билл. Кому нужна эта твоя скрипичную мелодию.

Леона. Мне нужна, а это уже кое-кто. Мой брат, мой младший брат, играл так хорошо, может даже лучше, чем этот Хейфец в ящике. Ты знаешь, я гляжу на тебя и задаю себе вопрос. Как это так жить и не чувствовать прекрасного в жизни, даже не догадываться, что оно ускользает от тебя. (*Она направляется к музыкальному автомату*). Возвращаясь домой с тобой как-то ночью, я сказала - Билл, посмотри на небо, ну, взгляни на небо! Ты никогда не посмотришь просто так. У тебя в жизни нет этого чувства восторга! Восхищения перед Богом на небе, а поэтому, что такое твоя жизнь, как ни бутылка, стакан, бочка... раз, два, три! (*Она выбирает скрипичную мелодию три раза.*)

Монк. Док все еще у телефона.

Леона. "Сувенир" - сладкая мелодия.

Доктор. (*возвращаясь в бар.*) Мне придется принять роды. Маленький бренди.

Леона. (*возвращаясь к столу Билли*): Это не может не быть печальным, если ты не знаешь, что пропускаешь, появляясь в этом мире и уходя из него, даже не узнав этого чувства Прекрасного, какое есть у меня, когда я вспоминаю эту скрипичную мелодию или лицо моего младшего брата...

Монк. Ты говорила мне, что твой брат был пидор.

Леона. Я говорила лишь тебе что-то, что ты повторяешь при всех словами, такими же дешевыми, как ты сам. У моего брата, который играл эту мелодию, было малокровие с тринадцатилетнего возраста и каждый дурак знает, что эта болезнь, такое состояние делают мужчину слишком слабым, чтобы быть с женщиной, но он был настолько полон любви, что должен был отдать ее кому-то, как свою музыку. И по своей работе, моя профессия - косметолог, я никогда не видела кожи, волос или глаз, которые могли бы сравниться с его. У него были настоящие белые волосы, такие же мягкие, как и его кожа, и его глаза были двумя частичками неба на человеческом лице, и он играл на скрипке, как будто он занимался любовью с ней. Я плачу! Я плачу! - Нет, я не должна, я *не должна* плакать! - Я горжусь, что у меня есть что-то прекрасное, о чем я могу вспоминать, пока живу...

(*Виолетта тихонько хлюпает носом.*)

Леона. Когда они собирали пожертвования в церкви, то просили его играть на клиросе, он играл и был похож на ангела, стоящего под лучами света из витражного окна. Мм-м--мммммм. (*Она увлечена воспоминанием*) - И люди, даже скупердяи, доставали купюры, когда он играл. Да, каждый раз перед службой, я мыла ему голову шампунем, чтобы его шелковые волосы, шелковистей которых я не видела ни на

одной человеческой голове за всю мою косметическую практику, выглядели, как ангельский нимб, осененный райским светом. Ну конечно, люди плакали, как я сейчас, конечно, я помню одну Пасху, целый хор заплакал, как я плачу и даже священник прервал свою службу. "Ангелы Света", вот, что это была за мелодия, которую он играл на ту Пасху... (*Она напевает мелодию из той песни.*) Человеческие чувства могут быть хуже людей, но иногда бывают и лучше, чем люди, превосходят их, и Хали обладал этим даром делать чувства людей возвышенными, превосходящими их! Но он болел все больше и больше, худел все больше и больше, пока в одно воскресенье просто ни упал на хорах для певчих и потом быстро угас, просто исчез из этого мира. Злокачественное малокровие...

Виолетта. (*шмыгая*) Малокровие, вот что у меня такое.

Леона. Не сравнивай себя с ним, как ты смеешь сравнивать себя с ним. Он был слишком прекрасен, чтобы жить, и поэтому он умер. Иначе бы мы жили вместе в моем трейлере. Я бы обучила его на косметолога, чтобы помогать бездомным- (*Она смутилась на мгновение, наклонилась к табуретке у стойки бара и опрокинула ее*) Я имею ввиду, что научила бы моего младшего брата возлагать свои руки на головы бездомных и одиноких и выявлять капельку красоты в них, хоть на одну ночь или один день, по крайней мере на час. У нас бы был свой магазин, может быть два и я бы не позволила тебе- (*Она поворачивается к Биллу.*) - ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером, даже взглядом встретиться со мной, чтобы вызвать во мне жалость, нет, *не -е-е-е-т!* (*Она склонилась над столиком Билла, опираясь своими раскрытыми ладонями на стол, говорит прямо ему в лицо.*) Общество и скрипка моего брата- вот все, что мне было бы нужно в жизни, до самой смерти! Запомни это, Билл, если твои мозги могут запоминать. Нужно каждому! Хоть что-то прекрасное! Во всей его жизни! Чтобы спасти сердце от коллапса!

Билл. Что это еще за "коллапс", мадам?

Леона. Разложение! - Без единой прекрасной вещи вся жизнь- это лишь разложение. Женщина становится грязью, когда живет с грязью, и жизнь ненавидит ее и она ненавидит жизнь, а я одна из...

Билл. (*прерывая*) Если бы ты жила с пидором...

Леона. Не смей говорить так! Не смей! (*Она хватается за стул и размахивает им вокруг своей головы. Виолетта визжит. Леона швыряет стул на пол.*) Дерьмо, он стоит подороже разбитого стула. (*Внезапно она взрывается от смеха, который также невероятен, как и ее ярость или даже больше: это, как высвобождение ее внутренней сущности. Некоторые посетители бара, невольно смеются с ней.*)

*Внезапно, также внезапно, как и начавшись, смех заканчивается:
абсолютная тишина, слышен только шум океана снаружи.)*

Доктор. *(поднимаясь со своего стула)* Хорошо, я лучше пойду. Кто-то готовится появиться на свет на Острове Сокровищ.

Леона. На этом постоялом дворе я держу свой трейлер. Там должен родиться ребенок?

Билл. Нет, думаю, что не ребенок, а совершенно уже взрослый человек готов появиться на свет, вот почему Док поддержал себя парой рюмок бренди.

Доктор. *(поворачиваясь на своей табуретке у бара, стакан в руке.)* Ты не можешь смеяться над рождением и не можешь смеяться над смертью. Это таинства, святые таинства, и то и другое, да, поэтому они оба и существуют, даже, если сейчас они порой окружены средствами, которые лишают их величия. Рождение? Резиновые перчатки, кипяченая вода, щипцы, хирургические ножницы. А смерть? Шипение кислородной подушки, инъекция шприцом для того, чтобы освободить от паники угасающий взгляд, трубки в руках и почках, гигроскопическая вата, засунутая в задницу, чтобы не вылились испражнения наружу, когда... когда наступит конец. *(На протяжении этого монолога, а может быть и до этого, он двигается по направлению к освещенному месту исповедальни.)*- Это трудно рассмотреть за этим презренным тленом. Но там находятся два таинства- таинства рождения и смерти...

Они темны, так же, как лик Бога, который темен, потому что это лицо черного человека; да, это так, Негра, да. Я всегда представлял Бога чернокожим, с неосвященным лицом. Он двигается в темноте, как чернокожий, Негр-шахтер в темном угольном забое, скрытым совершенно за неуместностью и нелепостями публичного культа-стояния в хоре, коленопреклонении, сидении и слушании банальностей проповеди. *(Кольцо света гаснет и он возвращается в бар поставить свой стакан.)*

Леона. *(в освещенном баре)* Хотела бы знать, кто-нибудь собирается помешать ему, в его состоянии идти принимать роды? Я бы хотела знать... *(подходит к столику Молодого человека и садиться на стул)*

Молодой человек. Вы не хотите присесть?

Леона. Ты думаешь, я все еще стою?

Молодой человек. Может быть, мы заняли Ваш столик?

Леона. У меня нет столика. Я слоняюсь по ночи, как животное в клетке, потому что эта ночь- ночь смерти моего брата и- посмотри, бармен не хочет меня обслужить, он думает, что я пьяна до беспамятства, поэтому окажи мне любезность, закажи мне двойной

бурбон и сделай вид, что это для тебя. Ну, пожалуйста, я полюблю тебя за это и, конечно же, заплачу.

Молодой человек. *(подзывая бармена)* Бармен? Двойной бурбон, пожалуйста.

Монк. Если это для леди, то я не смогу это сделать.

(Билл хохочет за соседним столиком.)

Молодой человек. Это не для леди, это для меня.

Леона. Как тебе нравится это дерьмо? *(Она подергивает плечами.)*

Итак, что произошло между вами до того, как вы пришли сюда, вы расскажете мне и, может быть, я смогу дать вам совет. Я действительно, как они говорят, перебежчик здесь,

Молодой человек. То есть?

Леона. Ну, я своя, как минимум в одном гей-баре в любом городе, где я бываю. Я живу в доме на колесах, живу в трейлере, поэтому я побывала действительно во многих местах. И буду еще во многих. Ну же, никто не слышит нас, они заняты своими проблемами. Что случилось?

Молодой человек. Абсолютно ничего. Я просто совершил ошибку, также как и он.

Леона. О, Ошибки. Как же вы совершили их? Никто не слышит, расскажите мне.

Молодой человек. Я обогнал его, когда он ехал на своем велосипеде по дороге в Каньоне, и я остановил свою машину и вернулся к тому месту, где был его велосипед, и я ...заговорил с ним.

Леона. Что ты сказал ему?

Мальчик. Ты станешь это рассказывать?

Молодой человек. А почему бы и нет? Я спросил: "Ты на самом деле едешь на велосипеде из Йовы до Тихого океана?", он засмеялся и сказал, что да, еду. Я спросил: "Ты, верно, устал?" И он ответил, что да, устал, и я сказал, - "Клади свой велосипед ко мне на заднее сидение и поехали ко мне домой на ужин".

Леона. Что же случилось? За ужином? Ты не дал ему поужинать?

Молодой человек. Нет, дал ему выпить, сначала, потому что думал, что после ужина он скажет мне: "Спасибо, спокойной ночи".

Мальчик. Не заливай. Я ужинал после того.

Леона. После чего?

Молодой человек. После...

Мальчик. Я думаю, что все люди, которые здесь живут, для тебя - просто старые вещи, которыми ты привык пользоваться, я имею виду Тихий океан, который вокруг не впечатляет тебя уже так, как впечатляет меня. Ты говоришь Тихий, а я говорю ТИХИЙ!

Молодой человек. Да, все с большой буквы в твоём возрасте, Бобби.

Леона. (*Молодому человеку*) Ты работаешь в кино?

Молодой человек. Да, что ещё?

Леона. Играешь в кино, ты актер?

Молодой человек. Нет, сценарист.

Леона. (*соображая*) Ты пишешь сценарии, да?

Молодой человек. Переписываю их. Моя профессия - блестящий парень на светских приемах, понимаете ли...

Леона. (*все еще соображая*) Нет, не понимаю.

Молодой человек. Милые шалости среди шикарно одетых сук, ну Вы понимаете...

Леона. Нет, не понимаю. Ну не важно. Я знаю многих сук, но не одной милой среди них. Этот индюк никогда не принесет нам бурбон. - Я никогда не уходила из этого бара, не оставив доллар чаевыми на столе, и вот что я имею в благодарность за это, просто потому что сегодня, в день смерти моего брата, я немного дала волю своим чувствам. Итак, что за сложности у вас с этим мальчиком из Йовы, где *цветут* большие кукурузы, я хотела сказать *растут*?

Молодой человек. Мне все равно. Но этот пацан - взгляните на него! Кто бы подумал, что он *наш*? - Я нет, я думал он - натурал. Но был неприятно удивлен, когда он сам потянулся к моей руке, чтобы положить ее к себе на колено.

Мальчик. Я не понимаю тебя. Что все это значит?

Леона. Не говори ему - у него будет время, чтобы понять значение слов и циничных отношений. Ну почему у тебя глаза, как у моего брата? (*Молодому человеку*). Ты заплатил ему?

Молодой человек. За разочарование?

Леона. Не будь занудой. Дай ему пять-десять баксов. Если ты подцепил не того, кого хотел, это твоя ошибка и плати за это.

Мальчик. Мне не нужно от него денег. Он показался мне симпатичным, я просто захотел его.

Леона. Ты тоже ошибся, тоже. (*Она оборачивается к Молодому человеку*) Дай свой кошелек.

(*Молодой человек протягивает ей свой кошелек.*)

Мальчик. Он ошибается. Мне ничего от него не нужно.

Леона. Не будь дураком. Дураки не в почете. (*Она достает купюру из кошелька и засовывает ее в карман рубашки мальчика. Мальчик пытается вернуть купюру.*) Хорошо, я буду хранить ее для тебя, пока он не смоется отсюда, чтобы опять кого-нибудь склеить, и напомни мне, чтобы я вернула тебе это, когда он уйдет. Он хочет заплатить тебе, это

правила его грустной игры. Это, как епитимья, покаяние... (*Она поворачивается к Молодому человеку.*) Вообще-то, ты живешь один, помимо этих грязных встреч? Ты привык так жить, верно? Если я правильно тебя понимаю? - О, боже, у тебя ужасный взгляд, выражение глаз. Куда ты смотришь?

Молодой человек. Эта рыба над баром...

Леона. Ты уходишь от разговора.

Молодой человек. Нет, нисколько. Представьте себе, что я бы проснулся как-то ночью и увидел, что эта фантастическая рыба - как она называется?

Леона. Рыба- парусник. Ну, так что же?

Молодой человек. Представьте себе, что я бы проснулся однажды ночью и обнаружил это странное существо, плавающее вокруг моей постели?

Леона. В бассейне? В аквариуме?

Молодой человек. Нет, ни в бассейне, ни в аквариуме: а так само по себе.

Леона. Это невозможно.

Молодой человек. Представим, что возможно. Предположение о возможности этого пришло мне на ум, также, как и многие другие невозможные вещи запросто приходят в голову. Представьте себе, что я проснулся и обнаружил ее здесь, плавающую над моей кроватью, с фантастическим сиянием в ее вытаращенных глазах, и ее великолепные радужные плавники и хвост, производят звуки, как от рассекающихся волн, вокруг и над, и спереди и сзади, и прямо над головой, над моей кроватью.

Леона. О!

Молодой человек. Итак, представьте, что такая абсолютно невероятная вещь произошла.

Леона. Ну, хорошо. Представим, что это случилось. Что дальше?

Молодой человек. Что Вы думаете я бы сказал?

Леона. Сказал кому? Рыбе?

Молодой человек. Самому себе и рыбе?

Леона. Я сейчас свихнусь. Откуда я знаю, что может сказать человек в такой ситуации.

Молодой человек. Я скажу Вам, что я бы сказал: "Ну и ладно..."

Леона. Все, что ты бы сказал, это " Ну и ладно"?

Молодой человек. "Ну и ладно" - это все, что я бы сказал, перед тем, как повернуться на другой бок.

Леона. Что бы сказала я, так это, - " Убирайся к черту отсюда, ты, чудовище с вытаращенными глазами", вот что я бы сказала ей.

Монк. Леона, тебе бы успокоиться.

Леона. Но в чем смысл твоей истории?

Молодой человек. Ты не видишь смысла в моей истории?

Леона. Не-а.

Молодой человек. (*Мальчику.*) Ты видишь смысл в моей истории? (*Мальчик качает головой*) Ну хорошо, может и я его не вижу.

Леона. Тогда зачем ты рассказываешь нам это?

Молодой человек. Что ты должен сохранить до тех пор, пока не будешь готов покинуть этот мир? То единственное, что ты не должен потерять?

Леона. Любовь?

(Молодой человек смеется.)

Мальчик. Интерес?

Молодой человек. Это ближе, намного ближе. Да, это почти то. Слово, которое мне приходит на ум- это удивление. Способность удивляться Я потерял способность удивляться, настолько потерял, что если я проснусь однажды ночью в своей комнате и увижу такую фантастическую рыбину, плавающую прямо над моей головой, то и это не удивит меня по-настоящему.

Леона. То есть, ты бы подумал, что тебе все это снится?

Молодой человек. О, нет. Я бы понимал, что не сплю. Но не удивился бы по- настоящему.

(Он подымается и направляется к месту " исповедальни", свет концентрируется на нем.) Есть какая-то непристойность, убийственная непристойность в чувствах большинства гомосексуалистов. Ощущения глубокие, мощные, грубые и характер их неизменен. Любовный акт, как инъекция шприцом, к которой они пристрастились, но которая уводит их все дальше и дальше от чувства интереса и удивления. Эта возможность разнообразия и неожиданности в их- "любовной жизни" - (*Он горько улыбается*)- как то странно отражается на других сторонах ... " чувственности". (*Он улыбается опять*) Да, когда-то, довольно уже давно, я бывал поражен ощущением, что я живой, тем, что я -это я, что я живу! Дар небес, во плоти, да, по какой-то таинственной причине, единственное, неповторимое, захватывающее ощущение того, что я существую: живу! - И когда бы я не чувствовал это- этот удар - это чувство - чего? - самоосуществления? - всякий раз я был ошеломлен, я был поражен этим. И существованием всего, что существует, я был поражен как молнией... Это более, чем поражало меня, это приводило

меня в панику, внезапное чувство - я думаю, что это было похоже на эпилептический удар, разве что я не падал на землю в конвульсиях; нет скорее я пытался затеряться в толпе на улице, пока припадок закончится. Это были страшные приступы. Однажды, я забрался в горы и разбил свой автомобиль о дерево, и я не уверен, что не желал это сделать ... В лесу, иногда, ты видишь гигантское дерево, ему несколько сот лет, оно многое повидало, оно побито молнией и все равно упрямо живет и наращивает кору. Мне интересно, если бы такое дерево получило такой же урок, как и я - ничему не удивляться, стало бы оно жить двести, триста лет дальше? Этот мальчик, которого я подобрал этой ночью, ребенок из кукурузной страны, все еще имеет способность удивляться тому, что видит, слышит и чувствует в этом земном мире. Всю дорогу, что мы ехали по Каньону к моему дому, он твердил - " Я не верю, я не верю, что я доехал до Тихого океана, величайшего океана в мире!" так , как будто ни Магеллан, ни Бильбао, ни даже индейцы никогда не видели этого прежде... И это волнение напомнило мне о моей потере способности сказать " О. боже!" вместо "Ну и ладно." Я задал все вопросы, прокричал их глухим небесам, пока не охрип и не посинел, но не получил ответа, даже намека, вообще никакого, понимаешь ли, но солнце встает каждое утро, и садится ночью, и галактики передвигаются по ночному небу, как хористы по сцене, механические хористы: один, второй, третий, бум-с, один, два, три, бум-с... Повторяй любой вопрос сколько хочешь, но чего ты добьешься, что получишь в ответ? - Большой раздробленный камень в пустыне, монументальный символ истощенной страсти и путанице в тебе, глупый каменный парализованный Сфинкс, который не знает ответов, также как и ты, но при этом ведет себя, как оракул на все времена, ожидающий своим животом услышать некие знаки вселенского разума, и если бы он проснулся однажды ночью на краю пустыни и увидел бы эту фантастическую рыбину, плывущую над его головой - знаете, что бы он сказал? Он бы сказал: " Ну и ладно" - и опять отправился бы спать следующие пять тысяч лет. (*Он возвращается, свет "исповедальни" гаснет, бар освещается. Он возвращается к столику и примеривает свой шейный платок на мальчика., пока говорит.*)

Твой велосипед все еще в моей машине. Поставить его на тротуар?

Мальчик. Я сам заберу его. (*Он обращается к Леоне*) Спокойной ночи.

Леона. Ты мог бы поставить свой велосипед ко мне в трейлер и добраться до берега со мной. В моем трейлере есть две койки.

Мальчик. Спасибо, но я...

Леона. Почему *нет*? Это ничего не будет тебе стоить, и мы составим компанию друг другу.

Мальчик. Я, м-м, я...

Леона. Почему *нет*? Ты боишься, что я начну приставать к тебе, солнышко мое?

Мальчик. Я, м-м, Я уже спланировал свое путешествие. Моя цель- Мексика.

Леона. Мексика- опасная страна для малыша, которому не везет, и ты можешь заболеть там. Тебе бы лучше отправиться со мной. Я бы познакомила тебя с их обществом, если тебе это нужно.

Мальчик. Это мило с Вашей стороны, но я лучше пойду возьму свой велосипед...

Билл. (*Стиву*) Она пригласила молодого пидора в свой вонючий трейлер, но получила отказ.

Леона. Тебе не понять, когда один человек, хочет помочь другому, это вне твоего понимания.

(Мальчик двигается к просцениуму, выщипывая волоски из свитера, который был на нем в баре. Бар темнеет и голоса утихают. Свет зажигается в " исповедальне" , как только мальчик входит в это пространство.)

Мальчик. В Голденфилде, в Йове был только один такой человек, как этот. Он держал цветочный магазин и я слышал, как пацаны говорили о нем. Говорили, что если войти в заднюю комнату цветочного магазина, то увидишь - она отделана в Китайском стиле, фимиам, откровенные картинки на стенах. Я боялся ходить туда. Я даже боялся ходить по этой улице, на которой находился тот магазин. Ребята смеялись над этим человеком, они говорили, что он - грязное слово -, но что он дает им каждый раз два доллара, когда они приходят туда. Однажды, был спор о том, что делает человека таким, как он, и я помню Клей Риверз сказал, что у таких людей есть что-то в горле, что отличает их от обычных и что вынуждает их - грязное слово- и я почувствовал, что у меня горит лицо и перехватывает дыхание, так что я не могу вставить ни слова в общий разговор. Однажды, однажды зимней ночью, я ехал вдоль улицы, на которой был цветочный магазин и увидел, что он был закрыт - на продажу- и я слышал, что его хозяин был выгнан из города, потому что он - грязное слово- имел аморальные отношения со школьником. Это все , что я знал об этом мире до сегодняшней ночи. Эта ночь- была посвящением. Это потрясло меня, потому что я желал и был желанен, также. Я никогда больше не вспоминал о том -грязное слово- человеке из цветочного магазина., но у меня, мне кажется, повторится Это опять и в

следующий раз я не сделаю больше ошибки, показав свою потрясение и удовольствие. -Я думаю гнать на своем велосипеде всю ночь, мне надо о многом подумать... (Он покидает место "исповедальни" и выходит из бара.)

Леона. (внезапно.) Эй, твои деньги! (Она бросается я к двери.) ЭЙ, ИЗ ЙОВЫ В МЕКСИКУ, ЭЙ!

Билл. Ему не нужны эти жалкие пять баксов, ему бы был нужен весь кошелек. Ничего, он еще поймет какого-нибудь педераста, и опять запрыгнет на свой велосипед с невинным и сладким видом, как у твоего братца, игравшего на скрипочке в церкви.

(Леона выбегает с криком)

Стив. Берег переполнен ими, они собираются здесь, как животные в стаю.

(появляясь в " исповедальне") У меня нет моральных возражений против них, как членов общества, просто я не поощряю их здесь. Придет один - следом другие. Потом ты узнаешь, что держишь, как они говорят, гей-бар и это уже похоже на клетку для птиц, они заполняют весь бар и набиваются в мужском туалете. Бизнес идет замечательно несколько месяцев. Затем наступает расплата. Место оцеплено, мальчиков упрятали в полицейский фургон, и твой бар на замке. А потом коп или бандиты наносят тебе визит вежливости , улыбка до ушей, все очень дружелюбно. Тебе говорят: "У тебя хорошее место, на самом деле бойкое, но тебе нужна крыша." Тебе предлагает крышу и ты покупаешь ее. Бар вновь открыт и дела идут опять отлично еще несколько месяцев. А потом? Потом опять наезд - и опять бар открыт, ты платишь за свой нос. За свои уши и свою задницу. Кому это нужно? Мне этого не надо. Мне нужно маленькое надежное дельце, которое я бы мог вести сам, и которое приносило бы мне маленький, но твердый доход. Никаких теплых отношений ни с бандитами, ни с полицией. Я хочу знать тех людей, что приходят сюда, настолько хорошо, чтобы мог поднести им их порцию ликера или пива до того, как они ее закажут, сразу, как они появились в дверях. И все их личные проблемы я хочу знать также.

(Виолетта начинает раскачиваться взад и вперед, как водоросль).

Я люблю, я привязан, у меня личный интерес к своим постоянным посетителям. Они присылают мне открытки оттуда, где они бывают и рассказывают о своей жизни и мне интересно это. Вот, в прошлом месяце один из них, кого я не видел почти пят лет, умер в Мехико и меня известили о его смерти, и сообщили, что он завещал мне все, что имел в этом мире - свое имущество и двести пятьдесят долларов сбережений в банке. Такие вещи прекрасны, как музыка. Все это, эти люди занимают

место семьи в моей жизни. Мне нравится спускаться по этим ступеням из своей комнаты, чтобы открыть бар вечером, и когда я закрываюсь на ночь, то мне нравится подниматься по этим ступеням со своей чашкой Балантинского эля, и эти истории, шутки, признания и исповеди, которые я слышал ночью, делают меня не таким одиноким. ...У меня бывают сердечные приступы, и я бы соврал, если бы сказал, что это не волнует меня. Я умру однажды ночью на этих ступенях и надеюсь, что меня не станут будить, что я буду спать спокойно.

(Во время его монолога свет концентрируется на нем, а весь бар в затемнении. Появляется Леона. Свет в баре возвращается, но не такой яркий, как раньше.)

Леона. Здесь что, паровая машина? Может кто-то завел сюда паровую машину, пока меня не было?

Монк. *(вернувшись из своих раздумий)* Что?

Леона. Я слышу что-то, типа пф-пф, как- будто старый локомотив прибывает на станцию. *(Она намекает на чавкающие звуки, которые доносятся от неосвещенного столика, за которым между Биллом и Стивом сидит Виолетта.)* Ну да ладно, мой дом на колесах. Сладкий бурбон, Монк.

Монк. Леона, тебе уже хватит.

Леона. Монк, уже наступило завтра, день смерти моего брата прошел, со мной все будет в порядке. *(Она направляется к стойке бара).* Это было слишком эгоистично с моей стороны хотеть, чтобы он был все еще жив.

(Острый луч света задевает заплаканное и перекошенное от страсти лицо Виолетты на другом конце стола.)

Она как будто держит святыню в своих руках...

(Свет медленно гаснет)

Затемнение или занавес.

Действие второе.

Часом позже. " Групповое пение" в разгаре на заднем столе. Леона не принимает в этом участия. Она задумчиво склонилась над стойкой бара напротив.

Виолетта. Больше всего я люблю старые. Клянусь, что никто из вас не знает эту, она, на самом деле, просто замечательный старый шлягер, я слышала ее от мамы. *(Она широко раскрывает свои глаза и принимает сентиментальный вид.)*

"Lay me where sweet flowers blos-som,

Where the whitest lily blows
Where the pinks and violets min-gle,
Lay my head beneath the rose."

Леона. (*пренебрежительно*) Дерьмо.

Виолетта. "Life is from me fastly fa-ding,

Soon I'll be sweet re- pose.

Ere I die I ask this fa-vor-

Lay my head beneath the rose..."

-Ну что, разве она не прелестна, эта старая сентиментальная песенка?

(*Никто не отвечает, кроме Леоны.*)

Леона. Не нужно никаких роз, чтобы лечь рядом с ней, ты можешь просто положить ее на кактусы и она не почувствует разницы.

(*Билл идет через бар за пивом.*)

Я надеюсь, что ты не принял это всерьез, что я уеду сегодня ночью?

(*Билл пожмает плечами и переходит к столику в глубине бара.*)

Ну, хорошо, тогда это серьезно. (*Она присаживается к его столику.*)

Опытный косметолог может где угодно найти себе работу.

Билл. Твой собственный вид плохая реклама твоему методу работы.

Леона. Мне не важно, как я выгляжу, если я чистая порядочная и независимая. Когда я оказываюсь в новом городе, я просто просматриваю желтые станицы телефонного справочника и выбираю косметический салон поближе к стоянке моего трейлера. Я иду туда и предлагаю поработать пару дней бесплатно, и после этого я уже принята на моих условиях, которые составляют пятьдесят процентов от жалования за все, что я делаю, плюс чаевые, конечно, тоже. Им нравится, как я работаю, и я сама нравлюсь, тоже, мое обращение с клиентами. Я веселю их.

Билл. Ты веселишь меня тоже.

Леона. Ну конечно, есть, кое-что, связанное и с тобой, о чем я буду вспоминать с удовольствием. Когда ночью я просыпалась, например, свешивалась с верхней кровати и смотрела на тебя, спящего внизу, на нижней.

(*Билл покидает столик. Она повышает свой голос, обращаясь ко всем в баре.*)

Да, он спал на нижней потому, что когда он надирался, то нужен был кран, чтобы положить его на верхнюю кровать. Поэтому, я предоставила ему нижнюю, а сама спала на верхней кровати.

Билл. Ты что никогда не напивалась, ты это хочешь сказать?

Леона. Когда я напивалась, то просыпалась на стуле или на полу, но когда надирался ты, что бывало практически каждую ночь, то я тащила

тебя на кровать, я никогда и подумать не могла, чтобы оставить тебя лежащим камнем на полу, я тащила тебя на себе, снимала твои ботинки, когда ты валялся внизу, а ты, Бог свидетель, никогда не поступал так со мной, о, нет, пол достаточно хорош для меня, по-твоему, а иногда, ты даже наступал на меня, да, так, словно я подстилка или таракан, это истинная правда, и ты это знаешь, потому что ты настоящий эгоист. Ты думаешь, раз ты можешь менять одну женщину на другую, на восьмую или десятую, то ты великолепный, уникальный. Да ты уникальный, но не великолепный, мой мальчик. Я буду беспокоиться о тебе, когда уеду и я уверена, что когда я поеду по этому чертовому шоссе, в тумане или нет, то стану беспокоиться о тебе, потому что ты отказываешься взрослеть и в этом твоя ошибка, ты можешь отказываться взрослеть только отдельный, ограниченный период в жизни, когда тебе это сходит с рук. - Я люблю тебя! - Я не заплачу.

(Виолетта плачет за нее)

Когда я приезжаю на новое место, то мне необходимо две-три недели, это все, что мне необходимо, чтобы найти того, с кем жить в моем доме на колесах и меть собутыльника на ночь. Эти первые две-три недели трудные, иногда мне хочется вернуться туда, где я была раньше, но я знаю из опыта, что я найду кого-нибудь и найду то место, где можно выпить и завести... друзей... *(свет фокусируется на ней. Она переходит на просцениум, держа руки в карманах, ее лицо и голос очень печальны, так будто она не очень уверена в том, что все будет так, как она говорит)* А потом, однажды происходит нечто прекрасное. Все разочарования в людях, которые я испытала, оказываются позади, просто исчезают, испаряются из моей памяти, и я помню только хорошие вещи, такие, как их спящие лица, и- Жизнь! Жизнь! Я никогда не говорю, "Ну и ладно," Я всегда говорю "Жизнь!" о жизни, она, как божественная песня, и когда я умру, я скажу, что смерть- это божественная песня, тоже, потому что я прожила свою жизнь и не боялась-...перемен...*(Она возвращается к столу.)* Как видите у меня есть гордость. Когда я живу с человеком, то люблю и забочусь о нем, я рассчитываю на его уважение, и когда я вижу, что потеряла его, Я УХОЖУ! УХОЖУ! - Поэтому дом на колесах- единственное подходящий для меня место. Но, что ей нужно?

(Виолетта, шатаясь, направляется к столу и садится на стул.)

Эй! Что тебе нужно?

Виолетта. Ты мой лучший друг, лучший из всех, кого я ...

(Она раскачивается, всхлипывает, как монахиня перед видением)

Леона. Что это, о чем ты говоришь?

(Виолетта рыдает.)

Она не в силах говорить. О чем это она?

Виолетта. ...ЛУЧШИЙ!...

Леона. ЧТО?

Виолетта. ...Друг!

Леона. Я могу сказать больше, я готова поклясться, что я единственный друг, который у тебя был, и в следующий раз, когда ты свалишься больная, в своей комнате над игровым павильоном, никто не принесет тебе ничего, ни цыпленка, ни горячего говяжьего бульона, ни китайского фарфора, ни серебра, ни интереса и заботы о твоём самочувствии, и ты умрешь в своей крысиной норе, не слыша человеческого голоса, а только бумс-бумс из боулинга и бильярдной снизу. И когда ты умрешь, то почувствуешь облегчение, избавившись от тех условий, в которых жила раньше. А теперь я оставляю тебя со страдающим и кровоточащим сердцем, я посижу в баре. У меня был итальянский друг, который научил меня говорить " Meglior solo gue mal assompanota," что значит лучше быть одному, чем в плохой компании.

(Она направляется к барной стойке, появляется Доктор.)

Уже вернулся, да? Это не заняло у тебя слишком много времени - принять роды? Ты похоронил ребенка? Или ты похоронил его мать? Или ты похоронил их обоих, мать и ребенка?

Доктор. *(Монку)* Ты можешь заткнуть эту женщину?

Леона. Никто не может заткнуть эту женщину. Ква- ква-ква-квак, доктор-кряк, квак-квак- квак- квак- квак- квак- квак!

Доктор. Я ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ТЕРАПЕВТ!

Леона. ПОКАЖИ мне свою лицензию. Я заткнусь, когда ее увижу!

Доктор. Врачебная лицензия, это не то же, что права водителя, ты не держишь ее в бумажнике, ты вешаешь ее на стену в своем кабинете.

Леона. Твой кабинет здесь! На какой стене висит твоя лицензия? Под рыбой, или где? Где висит твоя лицензия на врачебную практику, в мужском туалете, рядом с другими грязными надписями на стене?

Монк. Леона, ты сказала, что день смерти твоего брата прошел, и я думал ты имела ввиду...

Леона. ДУМАЛ, ЧТО ЧТО Я ИМЕЛА ВВИДУ?

Доктор. Что ты остыла. БИЛЛ! - Забери Леону домой, сейчас же.

Леона. Господи, неужели ты думаешь, что я позволю ему идти со мной? В мой трейлер? Сегодня ночью? *(Она шлепает по стойке бара несколько раз своей матросской шапочкой, раскачиваясь направо и налево, как будто готовясь к нападению на воображаемого противника, ее большая грудь вздымается, в глазах смятение.)*

Виолетта. *(нежно и печально)* Стив, пора идти. *(Виолетта, Стив и Билл собираются уходить.)*

Леона. ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТЕБЕ СМАЗАЛИ ЗАДНИЦУ САХАРНЫМ СИРОПОМ? ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ЛЯЖЕШЬ НА ЭТУ РОЗУ?

Виолетта. *(заслоненная Стивом и Биллом от Леоны)* Если мы не увидим тебя снова, то удачи тебе, где бы ты ни была.

(Они выходят из дверей.)

Леона. *(бросается за ними)* Да, она этого хочет, сахарного сиропа себе в задницу!

(Она исчезает из бара. Спустя миг или два, в то время как мы слышим шум океана, раздается крик Виолетты. Монк подходит к двери: сталкивается с ней, она взвизгивает, у нее из носа идет кровь. Она издает несколько диких криков и скрывается в женской уборной, заперев дверь на задвижку.)

Виолетта. *(Пронзительно из туалета)* Они вызвали полицию, она бросилась, как дикий зверь! Запри дверь! Не пускай ее!

(Монк запирает вход в бар. Внезапная тишина в баре, за исключением сопения Виолетты в уборной, приглушенных криков снаружи. Монк гасит весь свет в баре, кроме лампочки на одном столике.)

Монк. Не выпьешь со мной по последней, Док?

Доктор. Да, спасибо. *(Монк выносит бутылку и две рюмки на освещенный стол. Они садятся в профиль по разные стороны стола. Доктор говорит - как будто отвечая на вопрос.)* Ребенок родился на три месяца раньше, поэтому он был мертв, конечно, он только начинал быть похожим на человеческого детеныша. Мужчина, живущий с женщиной в трейлере, сказал: " Не нужно ей видеть это, унесите его из трейлера", поэтому я положил эмбрион в коробку из-под обуви... *(Он говорит с трудом, как будто по принуждению.)* Трейлер стоит прямо на пляже, волны достают до него во время прилива, , поэтому я положил коробку - и ее содержимое там, где море заберет их.

Монк. Ты уверен, что все это было законным?

Доктор. Боже, конечно, нет, это не было законным. Я едва положил все в коробку, как мужчина уже звал меня. У женщины началось кровотечение. Когда я вернулся в трейлер, она была смертельно бледная. Мужчина кричал

" Сделайте что-нибудь, ну, пожалуйста, сделайте что-нибудь для нее!"

Монк. Ты смог?

Доктор. Я мог бы сказать мужчине, чтобы он вызвал скорую для нее, но я подумал о возможных для меня последствиях, и пока я думал об этом, женщина умерла. Она была маленькая, но не такая маленькая,

чтобы ее можно было упрятать в коробку из-под обуви, поэтому- я дал мужчине чек на пятьдесят долларов, который я получил за аборт. Я дал ему его, в обмен на обещание не помнить мое имя

(Он дотрагивается до бутылки. Его рука так дрожит, что он не может наполнить свою рюмку. Монк наполняет ее для него.)

Понимаешь, я не имею право выдавать свидетельство о смерти, пока у меня нет лицензии на врачебную практику, Монк.

Монк. В свете того, что случилось, есть кое-что, что тебе лучше бы знать. Док. Вскоре, после того, как ты ушел принимать роды, Леона вышла из бара, чтобы позвонить в дирекцию постоянного двора и предупредить их о том, что ты собираешься принять роды. Поэтому, Док, у тебя могут быть проблемы. Если ты останешься здесь...

Доктор. Я приму успокоительное, соберусь сегодня ночью и буду в пути уже до рассвета.

(Слышны звуки полицейской сирены. Леона появляется в дверях, крича и стуча в дверь)

Леона. МОНК! ПОЛИЦЕЙСКИЙ ФУРГОН ПОЕТ МНЕ ПЕСНЮ!

(Монк впускает ее и запирает дверь.)

Монк. Иди наверх. Ты сможешь?

(Она взбирается по ступеням, едва не падая. Скрип тормозов машины раздаётся за дверьми бара. Офицер стучит в дверь. Монк впускает его.)

Привет, Тони!

Офицер.. Привет, Монк. Что за драка была тут, Монк?

Монк. Драка? Не знаю. Здесь было очень спокойно сегодня ночью. Я сижу и выпиваю свою последнюю рюмочку перед сном вместе с *(он указывает на Дока, сидящего за столом.)*

Офицер. Кто это ревет там за дверью?

Монк. *(наполняя бокал для Офицера)* Одна дама, разочарованная в любви, обычное дело. Попробуй это и если понравится, то возьми бутылку.

Офицер. *(пьет)* ОК. Хорошо.

Монк. Возьми бутылку. Попивай себе понемножку. Удачи.

Офицер. Спасибо, спокойной ночи. *(Он выходит. В то время, как Монк ставит другую бутылку на стол, Леона неуклюже спускается по ступеням вниз.)*

Леона. Монк? Спасибо, Монк. *(Она и Монк сидят за столом.: Виолетта выходит из туалета. Она замечает Леону за столом. И пытается скрыться.)* Ну, ладно, Виолетта. Иди сюда и садись с нами, мы пьем по последней, все мы, день смерти моего брата прошел.

Виолетта. Почему все ненавидят меня? (*Она садится за стол: пьет из бутылки. Виолетта подвигает свой стул к Монку. Спустя несколько мгновений она намеренно роняет спичечный коробок под стол, наклоняется, чтобы поднять его и ее рука со стороны Монка не появляется больше на поверхности стола.*)

Леона. Никто не ненавидит тебя, Виолетта. Это было бы комплиментом тебе, если бы они тебя ненавидели.

Виолетта. Я ненавижу себя за то, что встала между тобой и Биллом.

Леона. Не мучай себя такими ужасными мыслями. Два человека, живущие вместе, это то, что тебе не понятно, и до тех пор пока ты не понимаешь этого, ты это не уважаешь, но Виолетта, это наш с тобой последний разговор, я хочу посоветовать тебе кое-что. Я думаю, что тебе нужна врачебная помощь в психиатрическом отделении, и я так думаю потому, что ты напоминаешь мне...какое-то растение...

Виолетта. Это из-за моего имени? Виолетта, это фиалка.

Леона. Нет, я не думала о фиалках, я имела в виду плавающие растения, да, растения, которые не растут в земле, но только плавают по воде. С тобой всегда так... так...ну да ладно, ты понимаешь меня, не так ли?

Виолетта. Все временно?

Леона. Да, можешь назвать это и так. Ты знаешь, как ты попала сюда, в это место над павильоном для игр?

Виолетта. Как?

Леона. Да, *как* или *почему* или *когда*?

Виолетта. Ну, как же, я... (*Она определенно не уверена во всех трех позициях.*)

Леона. Не торопись: и *подумай*. Как, почему, когда?

Виолетта. Нет, ну я была в Л.А. и...

Леона. Ты уверена, что была в Л.А? Ты уверена хотя бы в этом? Или все неясно для тебя, все в тумане?

Виолетта. Да, я была...

Леона. Я сказала: не торопись, не гони. Ты смогла бы выбраться из тумана?

Монк. Леона, успокойся, мы все знаем, что у Виолетты есть кое-какие проблемы.

Леона. Ее проблемы - это проблемы с психикой и я хочу, чтобы она их увидела сейчас, когда мы говорим с ней в последний раз, да Виолетта? Ты можешь выйти из тумана и сказать нам как, когда и почему ты оказалась без вещей здесь в этой комнате над павильоном для игр, ты можешь просто...

Монк. (*вмешиваясь*) Она уже вышла оттуда, из этой комнаты над игровым павильоном, она уже здесь со своим чемоданом.

Леона. Да, она цветок на воде, с корнями в воде, плывущая туда, куда несет ее вода.

(Виолетта хнычет)

Леона. И плачет она слишком легко, просто вода выливается обратно. Я поставлю для нее одну мелодию, чтоб ей лучше плакалось, до того как вернусь в свой дом на колесах и поеду по Старо-испанскому шоссе.

(Она поднимается из-за стола)

Монк. Не сегодня ночью, Леона. Ты должна выспаться после своего ликера, до того, как поедешь по шоссе в этом тумане.

Леона. Это ты так думаешь, но не я, Монк. Мое время здесь вышло.

(Она идет к музыкальному ящику и ставит скрипичную мелодию.)

Как, когда и почему и только слезы в ответ. Не может сказать как, не может сказать когда, не может сказать почему. И я не думаю, что она уверена в том, где она была до того, как оказалась здесь, как не уверена в том, куда отправится после. У нее нет смелости ни помнить, ни предполагать. Ее рассудок плывет в тумане, а ее тело плывет по воде. И ее грязные пальцы тянутся, чтобы ухватиться хоть за что-то, с чем, как она надеется, можно соединиться. *(Она направляется к столику, останавливается; бар затемняется и свет фокусируется на ней.)* О, Боже, она опять за свое, ее рука опять под столом. *(Леона горько смеется.)* Ладно, мне кажется, ей просто не справиться с этим. Это грустно, конечно. Это так глупо рыскать под столом в поисках смысла жизни. Это всегда видна, когда она хочет заняться этим. Взгляд ее больших, влажных глаз становится таким бессмысленным, а рот немножко приоткрыт. Затем она начинает. Она придвигает свой стул поближе к стулу мужчины, потом роняет что-нибудь на пол, наклоняется, чтобы поднять, одна ее рука вновь поднимается, а другая остается внизу. Мужчина усаживается глубже на своем стуле, отпивает пару глотков из своей рюмки с таким же отсутствующим взглядом, как у нее. Вам уже ясно, что она приступила к обряду поклонения своему Всемогущему Богу в его собственном храме. Это ее слабость, а, как говорится, слабости надо прощать. Какого черта мне до того, что она делала *это* с тем идиотом, которого я впустила в свой трейлер на несколько месяцев? Если честно, я знаю, что у меня несколько недель одиночества впереди, до того, как я найду себе другого компаньона там, куда я собираюсь. Я чувствую, что этот мальчик из Йовы, с глазами, как у моего покойного брата, захотел бы поехать со мной, если бы я его так не напугала. О чем я думаю, так это вернуться к какому-нибудь грязному

причалу, где я останавливалась прежде, в Саусалито или Сан-Франциско. Всегда можно найти кого-нибудь в гей-барах, кому нужна была бы старшая сестра, перед кем можно подурачиться, посмеяться или поплакать, и я надеюсь, что я найду кого-нибудь скоро - я боюсь быть одной в моей доме на колесах, который создан для двоих... (*Она возвращается к столику в то время, как бар освещается.*)

Доктор. Выпей с нами, Леона.

Леона. Спасибо, нет. Я уже приняла свое и мне надо держать себя в руках, чтобы справиться с туманом. Хорошо, я пропущу еще один стаканчик, прежде чем пойду в свой дом на колесах и направлю его по Старо-испанскому шоссе. Туман не пугает меня, пока он не у меня в голове, а моя голова абсолютно светлая сейчас. - МОНК, ЭЙ МОНК! Дай мне мой счет за сегодня.

Монк. Забудь об этом, не думай об этом, иди домой и поспи, Леона. (*Они с Леондой, как будто в трансе.*)

Леона. Я не собираюсь спать, и я никогда не оставляю долгов за собой. Вот двадцать долларов, должно хватить. (*Она кладет деньги на стол.*)

Монк. Хм, конечно, увидимся...

Леона. Скажи Биллу, что он найдет свои пожитки в конторе постоянного двора, и когда он продаст себя очередной дойной корове, то пусть постарается и окажет ей уважение, хотя бы при людях. Ладно...

(Она слегка машет рукой. Монк и Виолетта сидят с закрытыми глазами. Док смотрит в стол.)

Мне кажется, я ушла.

Виолетта. (сонно) До свидания, Леона.

Монк. До свидания...

Доктор. До свидания, Леона. (*Леона выходит из бара. Доктор машинально встает из-за столика.*) До свидания, Монк.

Монк. До свидания, Док. Увидимся.

Виолетта. До свидания.

Монк. Береги себя.

(Доктор уходит)

Виолетта. Монк? Пойдем наверх. Да, Монк?

Монк. Мм? О. Наверх. Да, иди наверх и чувствуй себя, как дома. Прими душ, пока я закрою бар.

(Виолетта подходит к лестнице и поднимается на несколько ступеней.)

Виолетта. Монк! Я боюсь этих ступеней, они такие скользкие, как будто из кожи. Я лучше сниму свои туфли. Возьми их. (*Она поднимает одну ногу, чтобы разуться, потом другую. Монк берет ее туфли. Она поднимается, кричит ему.*) Возьми немного пива с собой, мой сладкий.

Монк. Хорошо, я принесу тебе пива. Не забудь принять душ.

(Один в баре, Монк открывает дверь, слышен шум океана, затем он подходит к "исповедальне", взяв с собой стул.)

Я всегда открываю дверь на несколько минут чтобы проветрить помещение и послушать океан. Ночью он звучит совсем по другому, чем днем, когда на берегу люди. У него есть особые звуки, звуки которые он издает лишь для себя. Для себя и для меня. Я останусь здесь до тех пор, пока не услышу шум воды в душе. Я его не слышу. Она , верно, думает, что может раствориться в воде. Мне бы не стоило позволять ей оставаться здесь. Доктор сказал, что она наградила Стива триппером. Пожалуй, я не стану к ней клеиться, не притронусь, возможно даже не буду подниматься вверх. До тех пор, пока она не заснет. *(Он роняет одну туфлю на пол, а другую медленно вертит в руке.)* Грязная , старая туфля, которую все еще носят, дурно пахнущая, из-за того, что ее слишком долго носили, но все еще стоящая у кровати, для того, чтобы ее надели завтра, ходить в ней тут и там- бесцельно, бессмысленно, до тех пор, пока, в конце концов, душа ее не вылетит вон. Она может быть перепродана или даже подбита картоном и опять надета для прогулок, до тех пор, пока уже ничего нельзя будет ни починить -ни исправить, ничего...

(Он уходит с туфлей в руке в глубь сцены. Свет гаснет.)

Занавес.

Роман Михайлович Мархолия

+79161255263

Dreams21@mail.ru